

© 2017 г.

Г.А. ФИЛАТОВ

СИСТЕМА КОНТРОЛЯ НАД СМИ И ПРОПАГАНДОЙ ВО ФРАНКИСТСКОЙ ИСПАНИИ

Традиционно выделяют два основных этапа в развитии франкистской системы контроля над средствами массовой информации¹. Первый – с 1938 по 1966 г., когда в стране функционировал тоталитарный по своей сути «Закон о печати». Во второй период был принят относительно либеральный «Закон о прессе и печати» 1966 г., отменивший многие прежние репрессивные положения, что приближало режим к авторитарному типу государств. В рамках первого периода можно выделить несколько этапов. И хотя традиционно в испанской историографии первый, тоталитарный период контроля над прессой рассматривается как гомогенный, мы предпримем попытку рассмотреть его как более сложный этап в развитии франкистских СМИ.

В самом начале своего существования франкизм взял на вооружение концепцию, согласно которой пресса является органом государства. Сразу после начала восстания военные начали подчинять себе средства массовой информации. В тех регионах, где восставшие одержали верх (например, в Вальядолиде), генералы вводили военную цензуру². По мере создания единых органов управления зоной, подконтрольной националистам, они обратили внимание и на прессу. 5 августа 1936 г. при генеральном штабе восставших был создан отдел прессы и пропаганды, которому поручались вопросы информации и пропаганды на территории, занятой восставшими. Этот орган 25 августа 1936 г. был преобразован в Управление прессы и пропаганды³ (*Oficina de Prensa y Propaganda*), который получил широкие, но не регламентированные полномочия. В ноябре 1936 г. его возглавил Мильян Астраи, создатель Иностранного легиона. Современники отмечали, что он неважно справлялся с этой ролью, так как «плохо понимал идеологию и доктрину восстания» и вносил сумбур в работу подведомственных органов⁴.

Управление печатью начало упорядочиваться с декретом от 17 января 1937 г., в соответствии с которым создавался отдел прессы и пропаганды. В этом документе были четко определены задачи Отдела, а именно «противостоять при помощи различных средств массовой информации клеветнической кампании, развернутой “красными” элементами»⁵.

На первом этапе гражданской войны созданием системы СМИ занимались не только военные. Параллельно с военными органами по контролю за прессой и пропа-

Филатов Георгий Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. (Москва, Россия).

¹ См.: *Barrera C.* Periodismo y franquismo. De la censura a la apertura. Barcelona 1995; *Fuentes A.* Historia del periodismo español. Prensa, política y opinión pública en la España Contemporánea. Madrid, 1997; *Волкова Г. И.* Политическая история Испании XX века. М., 2005.

² *Díaz-Plaja F.* La Guerra de España en sus documentos. Barcelona, 1969, p. 14–16.

³ Boletín oficial del Estado (далее – BOE). 25.VIII.1936, № 11, p. 42.

⁴ См. *Cabanellas G.* Cuatro generales, v. 2. Barcelona, 1977, p. 359.

⁵ BOE, 17.I.1937, № 89, p. 134.

гандой формировалась и система прессы Фаланги. В мае 1937 г. появился Национальный отдел прессы и пропаганды Испанской фаланги и ХОНС (Delegación Nacional de Prensa y Propaganda de FET-JONS). Он управлял тем, что впоследствии получило название «прессы Движения»: различными журналами и газетами, которые находились под надзором партии. Эта система всеми силами старалась выйти из-под контроля военной цензуры, но так и не смогла этого добиться. В январе 1938 г. эти партийные и государственные органы по контролю за прессой были объединены.

Окончательное оформление франкистская система средств массовой информации получила с принятием «Закона о печати» 22 апреля 1938 г. В нем подчеркивалось, что важнейшим аспектом, который «новое государство должно было исправить в наиболее срочном порядке», была «концепция прессы». Старая система провозглашала «анахроничной» и «не соответствующей задачам возвращения Испании ее величия и свободы», так как «свобода, понятая в демократическом стиле, ежедневно отравляла читательскую массу фракционной и антинациональной прессой». В связи с этим пресса объявлялась органом, который «формирует народную культуру и устанавливает коллективное согласие», поэтому режим считает необходимым возродить в «прессе идею служения государству». Журналист, по мысли авторов закона, должен был стать «апостолом мышления и веры нации, вернувшейся к своему предназначению»⁶.

Для достижения обозначенных целей вводился строгий контроль государства над СМИ. Государство регулировало выпуск и тираж газет (ст. 2, п. 1), назначения руководителей газет (ст. 2, п. 2), следило за деятельностью прессы (ст. 2, п. 4), вводило цензуру (ст. 2, п. 5). Осуществлять общее руководство печатью должна была специально созданная Национальная служба прессы и пропаганды. Она подчинялась подсекретариату по прессе и пропаганде, находящемуся в ведомстве министерства внутренних дел. В каждой провинции создавалась своя служба прессы, которая зависела от национального органа. Журналистами могли работать только те люди, которые были внесены в «официальный реестр журналистов» (ст. 15).

Текст «Закона о печати» написал Антонио Хименес Арнау, который был близок к министру внутренних дел Рамону Серрано Суньеру. Автор закона и возглавил Национальную службу прессы и пропаганды. Впоследствии Суньер вспоминал, что этот закон отражал концепцию СМИ, которую выдвинули Бенито Муссолини и Адольф Гитлер⁷. По замечанию испанского историка Эдуардо де Гусмана, он был «самым суровым и жестоким среди законов о прессе, которые ранее действовали в Испании»⁸. Он определял жизнь испанских СМИ до 1966 г., и даже его создатели не предполагали, что этот закон будет работать столь долго, так как он создавался в первую очередь для военных условий.

Согласно «Закону о прессе», Национальная служба прессы и пропаганды становилась центральным органом по надзору за печатью, радио и кинематографом. В рамках Министерства внутренних дел, которому подчинялась эта служба, усиливалась роль Фаланги в контроле над СМИ. Глава министерства Серрано Суньер был сторонником фашизма и германофилом, что наложило свой отпечаток на политику в области прессы. В 1939 г. на должность главы подсекретариата по прессе и пропаганде был назначен ярый фалангист Хосе Мария Альфаро. Большое влияние в этот период в деле пропаганды получил публицист, поэт, один из авторов фалангистского гимна Дионисио Ридруэхо, а также глава отдела радио Антонио Товар. Возросло и влияние Германии на испанские СМИ. По свидетельству британского посла в Испании Сэмюэла Хора, дошло до того, что Суньер позволял немецкому посольству вмешиваться в контроль над прессой. В этой связи Хор приводит в своей книге следующую историю. Посол, обеспокоенный активной антибританской кампанией в прессе, обратился к министру иностранных дел Хуану Бейгбедеру с протестом. Министр заметил, что «согласен со

⁶ BOE, 23.IV.1938, № 549, p. 6915.

⁷ Sana H. El Franquismo sin mitos: Conversaciones con Serrano. Barcelona, 1981, p. 100.

⁸ Guzmán E. Historias de la Prensa. Madrid, 1982, p. 362.

всеми словами протеста, но не может остановить кампанию. Пресса в руках Серрано Суньера, а Серрано Суньер в руках «Оси». Единственное утешение, которое он может предложить, это то, что благодаря Серрано Суньеру и немцам испанские газеты никто не понимает и почти никто не читает»⁹.

17 октября 1940 г. Суньер был переведен на должность министра иностранных дел. Это означало, что лично он терял контроль над прессой, однако Фаланга приобретала все большее влияние. 1 мая 1941 г. предварительная цензура была передана в руки партии¹⁰, хотя общее руководство средствами массовой информации оставалось за МВД. Партия почувствовала свою силу и начала проявлять некоторую независимость. 5 мая на должность министра внутренних дел был назначен Валентин Галарса, известный своими антифалангистскими взглядами. В этом назначении некоторые партийцы усмотрели опасность потери контроля Фаланги над прессой. 8 мая в фалангистской газете «Arriba» увидела свет статья «Человек и ничтожество»¹¹, в которой неуказанный автор (считается, что им был Дионисио Ридруэхо) напал на нового министра, не называя его имени. Это вызвало недовольство военных. Глава отдела радио Антонио Товар ушел в отставку, а Ридруэхо в мемуарах писал, что с этого момента отошел от работы в органах пропаганды¹². Так как Франко на протяжении своего правления стремился поддерживать баланс между различными группировками, на которые он опирался, то за это ослабление партии была предоставлена щедрая компенсация. Законом от 20 мая полный контроль над прессой был передан вице-секретариату народного образования Фаланги¹³.

19 мая 1941 г. министром-секретарем Фаланги стал Хосе Луис Арресе, который назначил на должность главы вице-секретариата народного образования консервативного католика Габриэля Ариаса Сальгадо. Негибкий политик, по замечанию исследователя Хустино Синовы, он не оставлял никакой «возможности для минимальной спонтанности в газетах». Главой отдела прессы был назначен Хуан Апарисио – выходец из ХОНС, один из самых преданных сторонников Фаланги. Его партийный билет значился под номером семь. Именно ему приписывается создание таких лозунгов Фаланги, как «Испания, единая, великая, свободная», «За родину, хлеб и справедливость». Также считается, что именно он утвердил в качестве фалангистских символов ярмо и стрелы, позаимствованные из герба Католических королей¹⁴.

Хуан Апарисио уделял большое внимание организациям журналистов. В первую очередь он обратил внимание на подготовку журналистских кадров. Возможно, это связано с тем, что в годы Второй республики он преподавал в журналистской школе при консервативно-католической газете «El Debate», издававшейся с 1911 по 1936 г. В 1941 г. он подготовил приказ, изданный 17 ноября, об учреждении «Официальной школы журналистики». Эта организация находилась под пристальным надзором партии, которая стремилась выдвинуть свою идеологию на первое место. Так, среди предметов, которые должны были там преподаваться, третьим в списке числился курс «Жизнь и доктрина национал-синдикализма», в то время как курс религиозной культуры оказался лишь на пятом месте (ст. 4). Для поступления необходимо было состоять в Фаланге и ХОНС (ст. 9)¹⁵. 18 марта 1943 г. в рамках вице-секретариата народного образования Фаланги был создан Испанский союз журналистов, в который автоматически попали все работники СМИ, находившиеся в официальном реестре¹⁶.

⁹ Hoare S. Embajador ante Franco en misión especial. Madrid, 1977, p. 190, 56.

¹⁰ BOE, 10.V.1941, № 130, p. 329–328.

¹¹ Arriba, 8.V.1941, p. 3.

¹² Ridruejo D. Casi unas memorias. Barcelona, 2007, p. 129.

¹³ BOE, 22.V.1941, № 142, p. 3636–3637.

¹⁴ Sinova J. La censura de prensa durante el franquismo. Madrid, 1989, p. 103.

¹⁵ BOE, 19.XI.1941, № 323, p. 9064.

¹⁶ BOE, 21.III.1943, № 80, p. 2556.

В то же время Серрано Суньер, оказавшись на посту министра иностранных дел, не хотел терять контроль над таким важным инструментом власти, как пресса. Он предпринял ряд попыток по его возвращению. В июне 1941 г. журнал «Semana» опубликовал на обложке фотографию Уинстона Черчилля с ироничной подписью¹⁷. По словам Серрано, такая публикация могла испортить отношения с Великобританией и США и лишить страну поставок горючего¹⁸. В результате 18 декабря 1941 г. был издан приказ, по которому все сообщения, связанные «с международными отношениями и с США», должны были направляться для проверки в министерство иностранных дел. А 3 марта 1942 г. были изданы новые инструкции для цензоров, согласно которым запрещалась публикация статей на внешнеполитические темы без одобрения министерства иностранных дел¹⁹. Таким образом, в Испании сложилась практика не просто предварительной цензуры, а двойной предварительной цензуры, когда материал должны были проверять в нескольких ведомствах: в Национальной службе прессы и пропаганды и в министерстве иностранных дел.

Хотя Серрано Суньер был уволен с поста министра 3 сентября 1942 г., его преемники по-прежнему требовали цензурных полномочий по вопросам, связанным с международными отношениями. В этом плане характерен инцидент с преемником Суньера на посту министра иностранных дел графом Хордана, которого считали англофилом. В сентябре 1943 г. он отправил Франко письмо, в котором критиковал СМИ Движения, в первую очередь газету «*Argiba*», за сокрытие событий в Италии²⁰, «как будто они солидаризируются с фашистской партией, хотя сейчас, как никогда, нужно показать собственное лицо»²¹ – т.е., по сути, отмежеваться от фашистов. Такая система двойного контроля просуществовала в Испании вплоть до 1962 г., когда министром туризма и информации стал Фрага Ирибарне²².

В то же время необходимо отметить, что под руководством Ариаса Сальгадо были предприняты первые попытки смягчить давление цензуры. 25 марта 1944 г. был издан циркуляр, согласно которому предварительная цензура не распространялась на публикации литургического характера, тексты католической церкви на латыни, произведения литературы, изданные до 1800 г., и музыкальные произведения с текстом, появившиеся до 1900 г.²³ Острословы того времени говорили, что «Сервантес прощен, а вот Переса Гальдоса надо еще проверить»²⁴.

17 июля 1945 г. была опубликована «Хартия испанцев». В статье 12 этого документа провозглашалось, что «все испанцы могут свободно выражать свои идеи, пока не посягают на фундаментальные принципы государства»²⁵. С одной стороны, для режима это было значительной уступкой хотя бы на уровне деклараций, поскольку допускалась возможность свободного выражения мнения. С другой стороны, эта практика была очень ограниченной, так как, во-первых, под «посягательством на фундаментальные принципы государства» можно было подразумевать широчайший спектр вопросов, а во-вторых, продолжала существовать предварительная цензура.

Намного большее значение для прессы имел другой документ. 27 июля 1945 г.²⁶ был издан закон о подчинении вице-секретариата народного образования Фаланги,

¹⁷ *Semana*, 1.VI.1941, № 68, p. 1.

¹⁸ *Sinova J.* Op. cit., p. 107.

¹⁹ *Archivo general de administración*, 354, 348.

²⁰ 25 июля 1943 г. Муссолини отправили в отставку и арестовали. 27 июля фашистская партия была распущена, 3 сентября с союзниками подписано перемирие, а 8 сентября о нем объявили официально.

²¹ *Suarez Fernández L.* Francisco Franco y su tiempo, t. 3. Madrid, 1984, p. 414–415.

²² *Fraga Iribarne M.* Memoria breve de una vida pública. Barcelona, 1980, p. 37.

²³ BOE, 7.IV.1944, № 98, p. 2786.

²⁴ *Sinova J.* Op. cit., p. 105.

²⁵ BOE, 18.VII.1945, № 199, p. 358.

²⁶ BOE, 27.VII.1945, № 214, p. 686.

который ведал делами средств массовой информации, Министерству национально-го образования. С 1938 г. это министерство возглавлял Хосе Ибаньес Мартин. Он являлся членом «Католической ассоциации пропагандистов», а в годы Республики принял участие в основании журнала «Католическое действие». 20 июля 1945 г. на пост министра иностранных дел был назначен другой выходец из католических организаций — Альберто Мартин Артахо. Таким образом, контроль над прессой перешел из рук фалангистов в руки католиков, которые в послевоенное время выдвинулись на первый план в правительстве Испании. Считалось, что им будет легче налаживать отношения со странами Запада после Второй мировой войны.

В это время осуществлялись первые попытки принять новый закон о прессе для замены закона 1938 г. Первый подобный проект предложил Альберто Мартин Артахо. 8 апреля 1945 г. в письме Франсиско Франко он доказывал необходимость этого шага, который бы расширил свободу слова. Это предложение было отвергнуто, так как встретило серьезное сопротивление членов правительства, в частности Карреро Бланко²⁷, советника Франко, серого кардинала режима, как называли его современники. Провалились и другие попытки Мартина Артахо изменить ситуацию с прессой в Испании.

Единственным результатом стал короткий приказ от 23 марта 1946 г., в котором разъяснялось положение 12 статьи «Хартии испанцев». В преамбуле документа говорилось, что строгая цензура сыграла важную для страны роль в годы Второй мировой войны, позволив Испании сохранить нейтралитет: «Было бы несправедливо не признавать, что она помогала держать Испанию на расстоянии от конфликта». Вместе с тем в нем отмечалось, что, «хотя еще не пришло время для полного отказа от цензуры, уже можно начать ряд мер, которые, сохраняя языковую умеренность и уважение к фундаментальным принципам испанского государства, предоставят газетам большую свободу действий». Приказ состоял из двух пунктов. В первом была всего лишь одна фраза: «Генеральной дирекции прессы разрешается смягчить действующие нормы цензуры». Во втором пункте приводился объемный список тем, которые исключались из этого правила, например, «единство Отечества», «его внешняя и внутренняя безопасность», «фундаментальные институты государства» и т.д.²⁸ Таким образом, ограничения второго пункта почти полностью нивелировали послабления, которые подразумевались в первом. Но, по замечанию испанского исследователя Х. Синовы, даже эти робкие попытки смягчить цензуру так и не были реализованы²⁹.

В 1951 г. систему пропаганды ждало новое изменение: было создано министерство информации и туризма. В преамбуле декрета о структуре нового ведомства сообщалось о роли информации в жизни общества, сопоставимой с ролью транспорта в экономике страны. Министерство должно было взять на себя все функции контроля в области печати, радио, кинематографии и театра, а также заведовать пропагандой³⁰. Во главе министерства был поставлен Габриэль Ариас Сальгадо, который уже возглавлял испанскую прессу в начале 1940-х годов, когда она находилась под контролем Фаланги. Теперь он руководил ей в качестве министра. За те 11 лет, что Ариас Сальгадо управлял министерством, система контроля над прессой не менялась. Основным способом управления идеологией и пропагандой были различные инструкции, которые направлялись в редакции. С их помощью министерство, так же как до него другие ведомства, указывало, как подавать определенные материалы, какие акценты расставлять, о чем или о ком не писать, какие комментарии использовать и т.д. Основной их целью было достижение максимального идеологического единства различных изданий.

²⁷ *Sinova J. Op. cit.*, p. 120–122.

²⁸ BOE, 26.III.1946, № 85, p. 2342.

²⁹ *Sinova J. Op. cit.*, p. 117–118.

³⁰ BOE, 15.II.1952, № 55, p. 851.

Ариас Сальгадо был человеком глубоко религиозным. Образование он получил в иезуитском пансионе в Мадриде. На его взгляды повлияли испанские консерваторы XIX в., в частности Доносо Кортес. Их идеи он использовал для оправдания необходимости предварительной цензуры как способа уберечь как можно больше людей от греховных ошибок. Он писал: «Правде – полная свобода, и никакой свободы ошибке»³¹. Это утверждение прямо перекликается со словами Доносо Кортеса из «Очерка о католицизме, либерализме и социализме»: «Свобода для нее (церкви. – Г.Ф.) священна, а ошибка – отвратительна; в ее глазах ошибка рождается без прав и существует без прав, и по этой причине ее надо находить, преследовать и вырывать с корнем»³². Подобный ход мысли был характерен для самого Франко, который в беседе со своим кузеном говорил: «Никогда не должно быть свободы для зла». Ариасу Сальгадо приписывают и другое характерное высказывание: «Благодаря предварительной цензуре в Испании сейчас спасается больше человеческих душ»³³. Его лояльность Франко была хорошо известна, за что ему прощалось не слишком удачное управление министерством. Сам Франко говорил о нем: «Я признаю, что Ариас Сальгадо не является энергичным человеком... но это очень лояльный человек, и мне он очень нравится»³⁴.

Однако со временем накопились проблемы, очевидные и для самого Франко. 11 июля 1962 г. Ариас Сальгадо был снят с поста министра информации и туризма. Объясняя причины этого решения своему двоюродному брату, Франко отмечал: «Мне не очень понравилось, что он забюрократизировал министерство, превратив пропаганду в нечто вялое и механическое, без души и энтузиазма. Было создано множество генеральных дирекций, а также их секретариатов и бесчисленное количество подчиненного персонала. В конце концов это стало медленной и неэффективной машиной»³⁵. Новым министром стал сорокалетний Мануэль Фрага Ирибарне, которому суждено было внести большой вклад в изменение системы пропаганды в Испании.

За те годы, что Фрага Ирибарне был министром информации (1962–1969), его стали воспринимать как «одного из главных идеологов Франко и его доверенное лицо»³⁶. До этого Фрага Ирибарне занимал различные должности, на первые позиции его выдвинул Хоакин Руис Хименес, министр образования (1951–1956) и близкий к католическим кругам политический деятель. 7 июля 1962 г., за несколько дней до официального назначения Фраги Ирибарне на пост министра информации и туризма, между ним и Франко состоялась беседа, в которой глава государства поставил задачу обновить законодательство в области СМИ: «Одна из проблем, которая будет стоять перед вами, это создание хорошего закона о прессе». Новый министр активно принялся за работу. В воспоминаниях Фрага Ирибарне обосновывает мысль, что средства массовой информации нужно было освобождать постепенно. Сначала журналистам, издателям, редакторам, а также чиновникам различных министерств, живших в течение 26 лет в условиях жесткой цензуры, требовалось привыкнуть к новым условиям, и лишь потом можно было создавать новый закон о прессе³⁷.

Фрага Ирибарне встретил сопротивление как консервативной части кабинета, которая считала отказ от цензуры опасным, так и либерально настроенных министров. Так, например, против его плана выступил министр-технократ Лауреано Лопес Родо, ответственный за план экономической стабилизации и экономического разви-

³¹ *Arias-Salgado G.* Política española de la información, t. II. Madrid, 1958, p. 57.

³² *Donoso C.* Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo. Madrid, 1851, p. 38.

³³ *García Jiménez J.* Radiotelevisión y política cultural en el franquismo. Madrid, 1980, p. 57.

³⁴ *Franco Salgado-Araujo F.* Mis conversaciones privadas con Franco. Barcelona, 1976, p. 344.

³⁵ *Ibid.*, p. 349.

³⁶ Это, среди прочего, указывается в «Отчете о поездке в Испанию специализированной туристической группы Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами», состоявшейся в январе – феврале 1969 г. – Российский государственный архив новейшей истории, ф. 5, оп. 61, д. 590, л. 18.

³⁷ *Fraga Iribarne F. M.* *Op. cit.*, p. 29, 38.

тия страны. Он считал, что надо либо полностью и сразу отменять цензуру, либо не делать этого вовсе³⁸.

В то же время в области пропаганды и контрпропаганды были предприняты новые меры. Вместо того чтобы полностью скрывать информацию о неприятных инцидентах в мире и внутри страны, о них начали говорить. Однако информация, конечно, подавалась в выгодном режиме ключе. Так, весна – лето 1962 г. были ознаменованы одной из крупнейших забастовок горняков в Астурии. В августе в киноновостях «No-Do» впервые было сказано о подобных событиях в Испании³⁹, при этом подчеркивалось, что государству удалось уладить конфликт между сторонами. Следует отметить, что прежде такие события (например, крупные забастовки 1957 и 1958 гг.) полностью игнорировались «No-Do». 5 сентября 1962 г. на третьей странице газеты «ABC» появилась статья под заголовком «Новый вид диалога», в котором автор Хосе Мария Пеман рассуждал о забастовке и ее причинах в целом, не упоминая конкретных событий, и говорил, что это способ диалога рабочих с государством. Под конец он делает заключение, в котором не осуждает этот вид диалога, но предлагает иные способы его ведения⁴⁰. Такой примирительный тон контрастирует с тем, как забастовка освещалась в самом начале руководства министерством Фрагой Ирибарне, когда еще применялись старые способы работы с информацией. Так, 25 июля 1962 г. в статье «Борьба классов» в «ABC» указывалось, что забастовка – это возвращение к старой системе борьбы между классами, и сейчас, когда у рабочих есть «оплачиваемый отпуск, пенсии по старости и другие социальные блага», опасно возвращаться к старым методам борьбы⁴¹. Однако и критические статьи, в которых поднималась тема забастовок в Испании, можно считать шагом к открытости, так как до этого о проблемах в стране не сообщалось в принципе. Так, забастовки 1957 и 1958 гг. вовсе не освещались газетой «ABC».

Фрага Ирибарне предложил и другой метод реагирования на критику за рубежом. Так, в конце 1962 г. Международная комиссия юристов, правозащитная организация, базировавшаяся в Швейцарии, опубликовала доклад, в котором критиковала положение дел с правами человека в Испании. Раньше франкистский режим ограничивался дипломатическими опровержениями подобных докладов. В прессе же вопрос о правах человека в Испании либо не затрагивался вовсе, либо неожиданно появлялся в связи с внешнеполитической конъюнктурой, когда нужно было продемонстрировать, что в стране подобные проблемы отсутствуют и что Испания «занимает важное место в истории распространения фундаментальных прав человека»⁴². На сей раз новый министр информации и туризма собрал пресс-конференцию, в ходе которой постарался разъяснить, что и почему неправильно в данном докладе. В своем выступлении он не заявлял, что в Испании все хорошо, но сконцентрировался на «множестве ошибок, допущенных составителями доклада». Его пресс-конференция в газете «ABC» было отведено несколько страниц⁴³. Все это говорит о том, что при новом министре режим начал использовать новые методы работы с информацией.

В самом начале пребывания в должности министра Фрага Ирибарне смог внести незначительные, на первый взгляд, послабления в закон 1938 г. Но они позволили выйти в свет таким либеральным (насколько это было возможно в Испании того времени) аналитическим журналам, как «Atlántida», «Cuadernos para el Diálogo» и «Revista de Occidente». Их появление, по замечанию Г. И. Волковой, стало «межевым камнем» в истории испанской прессы, так как именно с них начинается современный этап журналистики Испании, которая до этого (с 1938 г.) выполняла роль «рупора режима»⁴⁴.

³⁸ Ibid., p. 38.

³⁹ No-Do, № 1025B, 27.VIII.1962.

⁴⁰ Peman J. M. Nuevo modo de dialogo. – ABC. Madrid, 5.IX.1962, p. 3.

⁴¹ Miguel de A. La lucha de clases. – ABC. Madrid, 25.VI.1962, p. 3.

⁴² ABC, 10.XII.1953, p. 32.

⁴³ ABC, 7.XII.1962, p. 37–39.

⁴⁴ Волкова Г. И. Указ. соч., с. 76–80.

Однако главным событием стала разработка и принятие нового закона о прессе. Франко в целом негативно относился к этой инициативе, считая, что у испанского народа несовместимый с ней характер. Так, в беседе с двоюродным братом он говорил: «В Испании не может существовать для прессы та же свобода, что и в других странах, таких как Англия или США, где общество умеренное и менее страстное, чем наше»⁴⁵. Но несмотря на такие воззрения, Фрага все же смог убедить Франко в необходимости изменений в этой сфере.

В 1966 г. был принят «Закон о прессе и печати». Это событие стало вехой в истории франкизма, поставив испанское общество в совершенно новые условия, необходимость которых диктовалась временем. Характерны слова Франко, произнесенные на обсуждении проекта закона о печати в совете министров 13 августа 1965 г., которые приводит в воспоминаниях Фрага Ирибарне: «Я не верю в эту свободу, но это шаг, на который нас вынуждают многие важные доводы. И, с другой стороны, думаю, что если слабые правительства начала века могли править при свободе печати, в пучине той анархии, то и мы сможем»⁴⁶.

Новый закон, несмотря на значительное смягчение контроля над СМИ, оказался достаточно противоречивым⁴⁷. С одной стороны, он гарантировал свободу выражения мнений и право на распространение информации (ст. 1) и заменял предварительную цензуру «добровольной консультацией» (ст. 3, 4). С другой стороны, власть оставила себе способы контролировать прессу. Так, редактор каждого издания должен был предоставлять определенное количество напечатанных экземпляров до поступления в продажу (ст. 12). Закон давал право центральной и местной администрации конфисковать весь тираж, но только по постановлению суда (ст. 64). Власть не вмешивалась в назначение редакторов, но ими могли становиться только профессиональные журналисты — лица, внесенные в официальный реестр (ст. 35)⁴⁸.

После вступления в силу этого закона в свет вышли такие издания, как «Triunfo» и «Cambio 16» — оппозиционные по меркам того времени журналы, которые, по мнению испанского историка Хавьера Тусселя, сыграли важную роль в подготовке общества к переменам⁴⁹. Наибольший интерес среди них представляет «Cambio 16». Название («Перемена 16») отображает структуру и стремления этого издания. Его основу составили 16 журналистов, ставшие символом начала перемен. Появившись в 1971 г. как еженедельный журнал, это издание предоставляло читателям информацию различного рода, но изюминкой были статьи о политике. Новые издания сразу же начали вытеснять партийную («Argiba») и профсоюзную прессу («Pueblo»), которая не могла приспособиться к новой ситуации. Постепенно она теряла читателей и к концу 1970-х годов прекратила свое существование⁵⁰.

Однако государство продолжало контролировать ситуацию в прессе через различные судебные решения и санкции. В первые годы действия закона в печати появилось более 129 публикаций оппозиционного характера⁵¹. В то же время за первые два года действия закона против изданий было применено более 200 судебных санкций⁵². В основном это были штрафы, но иногда применялись и более серьезные меры. Например, по решению суда можно было приостановить выход издания на некоторый

⁴⁵ *Franco Salgado-Araujo F.* Op. cit., p. 462.

⁴⁶ *Iribarne F. M.* Op. cit., p. 144–145.

⁴⁷ Подробный анализ самого закона и его влияния на политическую жизнь Испании см.: *Гранцева Е. О.* Закон о прессе и печати 1966 года Мануэля Фраги Ирибарне. — Европейский альманах: История. Традиции. Культура. М., 2003, с. 105–115.

⁴⁸ ВОЕ, 19.III.1966, № 67, p. 3310–3315.

⁴⁹ *Tussel J.* Historia de España. Madrid, 1998, p. 759.

⁵⁰ *Fuentes A.* Op. cit., p. 75.

⁵¹ *Гранцева Е. О.* Указ. соч., с. 110.

⁵² *Barrera C.* Op. cit., p. 154.

срок. Так, в 1975 г. на четыре месяца был остановлен выпуск юмористического журнала «El Papus».

Таким образом, контроль над средствами массовой информации как основными органами пропаганды за годы франкизма прошел два основных этапа. Первый — период тоталитарного контроля над прессой, обусловленный законом 1938 г. В этот период времени государство стремилось идеологически направлять и выверять редакционную политику изданий. Второй период можно охарактеризовать как авторитарный, так как была отменена предварительная цензура и в свет смогли выйти издания, критически настроенные по отношению к режиму. В это время режим уже не стремился сохранять идеологическое однообразие СМИ, однако пытался не допускать появления наиболее критических материалов. Такое разделение традиционно существует в испанской историографии⁵³, однако мало кто отмечает, что в рамках первого периода система пропаганды также претерпевала серьезные изменения, что было связано с передачей контроля над СМИ различным органам режима: сначала министерству внутренних дел, затем Фаланге, потом министерству народного образования, а с 1951 г. для управления печатью было создано отдельное министерство информации. Все это оказывало серьезное влияние на СМИ и систему пропаганды франкистского режима. Структурные изменения имели и серьезный идеологический аспект, так как традиционно во франкистской системе различные министерства были закреплены за представителями разных группировок внутри режима. Так, передача контроля над прессой от Фаланги Министерству народного образования означала усиление роли католических кругов, которые традиционно возглавляли это ведомство еще со времен гражданской войны. Все это свидетельствует о том, что за годы франкизма система контроля за СМИ прошла намного более сложное развитие, чем то, о котором традиционно пишут исследователи.

⁵³ Ibidem; *Fuentes A.* Op. cit.